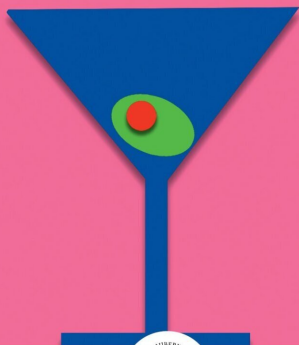

ЛАУРЕАТ "РУССКОЙ ПРЕМИИ"
ПРЕМИИ имени Э. ХЕМИНГУЭЯ
ПРЕМИИ имени Н.В. ГОГОЛЯ

ВАЛЕРИЙ БОЧКОВ

MAINSTREAM

EROS&THANATOS

САДЫ КАЗАНОВЫ

Валерий Борисович Бочков

Сады Казановы

Серия «Эрос и Танатос»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65327386

Сады Казановы:

Аннотация

Бочков превращает страсть в абсолют. Ревность, вожделение, жажда мести – всё доведено до точки плавления. Не ждите привычных сюжетов или стандартных ходов – их тут нет, это русская проза высшей пробы. Проза нового тысячелетия.

«...Я бы никогда не смогла работать проституткой. Не вокзальной шлюхой, а настоящей профессионалкой в сапогах змеиной кожи на хищной шпильке – с постоянной клиентурой, графиком у массажиста, в парикмахерской и в маникюрном салоне. Физиологическую часть я бы ещё кое-как потянула, если исключить поцелуи...; в конце концов, совокупление можно рассматривать как вид аэробики – акт средней интенсивности сжигает триста калорий и считается неплохим кардио для укрепления сердечной мышцы. Психология – вот что смущает». («Клеопатра Чистых прудов»)

Содержание

Клеопатра Чистых прудов	4
Часть первая	4
1	4
2	10
3	11
4	12
5	15
6	16
7	21
8	23
Часть вторая	26
9	26
10	28
11	30
12	31
Часть третья	35
13	35
14	38
Рыжая Линда и её окрестности	40
1	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Валерий Бочков

Сады Казановы

Клеопатра Чистых прудов

Но когда я увидел эту третью девицу, то поразился ее красоте. Я благодарил небо, что проглядел ее прежде: без сомнения, я мог бы иметь ее четырнадцать часов кряду. Звали ее Сент-Илер – та самая, что под этим самым именем прославилась год спустя, когда один милорд увез ее в Англию.

Джакомо Джироламо Казанова. «История моей жизни»

Часть первая

Тут

1

Не люблю смотреть на спящих. Они так беззащитны, так открыты. Лица спящих просты, без обычных гримас, которые, как людям кажется, придают лицу выражение значимо-

сти, или добродушие, или ума. Как можно ненавидеть спящего – глаза его закатились, в щёлочку под вялым веком виднеется белок глазного яблока. Ненависть к спящему нелепа – с таким же успехом можно ненавидеть покойника. Глядя на спящего, я всегда думаю о смерти.

* * *

Кулик заснул сразу. Я вернулась из ванной, а он уже спал. Подмыться да зубы почистить – это сколько? – минут пять, от силы семь. Спал он с открытым ртом, но не храпел, будучи честной – спал тихо.

Три часа назад, на съезде с Можайского шоссе, Кулик пытался, впрочем, не очень настойчиво, принудить меня к минету. Не к месту вспомнилась Янка Руднева – она произносила это слово с мягким знаком посередине и у слова появлялся французский привкус.

Мы съехали с Можайки на какой-то просёлок. Ливень хлестал как сумасшедший, фары выхватывали куски придорожного мрака, обозначая там какие-то смутные формы, которые, не успев родиться, проваливались в кромешную тень. Кулик воткнул четвёртую скорость и мягко опустил ладонь на моё колено. Не отрывая взгляда от дороги, он сдвинул руку повыше и сжал пальцами моё бедро, точно проверяя упругость мышц.

У меня наготове было два вопроса: что ты сказал жене?

И второй – неужели она тебе поверила? Работает безотказно. Его ладонь пропутешествовала в мою промежность, мизинцем он настойчиво тёр шов на моих джинсах. Мне стало смешно: взрослый мужик – неужели он всерьёз думает, что вот такое скобление мизинцем должно меня возбудить?

Словно угадав мою мысль, он начал говорить. Вот тут он мастак, это он умеет. Говорил негромко и неторопливо, даже забыв на время про джинсовый шов. Дворники нервно сновали по стеклу, своей прытью диссонируя с вальяжным баритоном.

– Там (пауза) рядом с дачей, – он ткнул небритым подбородком куда-то вбок, – течёт речка Снийпать... Неприметная речушка, каких не счесть по Руси. Один берег пологий, другой покруче. В заводях кувшинки желтеют, камыш острым листом шуршит. У мельницы заброшенной – омут, там карась с налимом ходит...

Чтобы ненароком не рассмеяться, левой рукой я обняла Кулика за шею, пальцами начала поглаживать бритый затылок. Костистый череп, колючий и шишковатый, наощупь напоминал тёплую обивку старого дивана.

– Главное успеть до утренней зорьки, – в голосе появилась мечтательная душевность. – В предрассветный час, когда и дальний лес, и мельница, и мостки – всё становится призрачным, аморфным, когда весь мир утопает в сиреневой дымке, – какое же счастье выудить из фиолетовой воды меднобокую рыбину – за миг до рассвета...

Я добралась до дальнего уха. Мочка была мясистая и на удивление холодная.

— ... и чешуя на ладонях будет сверкать как потускневшие золотые монеты из тех сундуков с затонувших испанских галеонов...

Ушная раковина казалась резиновой. Точно — медицинская резина, из такой грелки делают. Лишь бы не читал стихов. И он тут же начал:

*— Звезда упала. На устах у всех
за нею вслед желанье просияло:
что истекло и что нашло начало?
Кто провинился? Чей искуплен грех?*

Он сделал паузу, ожидая восхищения. Я решила подыграть — ну не законченная стерва же. К тому же моя память набита словесным хламом из разряда лингвистической мастурбации, три семестра «Теории критического анализа» даром не проходят:

— Поэзия балансирует на грани религии и магии, от которой произошла, и выбор между тем и другим неизбежно ведёт к отказу от поэзии — или от веры. Вследствие этого разлома жизнь большинства поэтов так трагична. Поэт — это шут, юродивый, скоморох, его редко воспринимают всерьёз. Но если уж...

Кулик не дал договорить. Жаль — так я могла ещё минут сорок молоть. Перебил, повысив голос.

– Нет! – страстно. – Нет!

И тут же:

– Поэт – это безумец, который голым выскакивает в грозу с надеждой, что в него попадёт молния.

Кулик замолчал, приподнял гордую голову и даже слегка выставил вперёд челюсть. Мой ход – пауза оставлена специально для меня. В огне фар косой штриховкой мельтешил дождь, шоссе блестело как мокрая крыша.

– Выходит... – сдавленным голосом имитируя вождение произнесла я. – Выходит, гроза – это...

Пауза. Его ход.

– Нет, милая, ты – молния!

Кулик посмотрел на меня, пристально и строго, будто прикидывая на глаз мощь моего электрического заряда. Настоящий повелитель стихий и ловец молний. Его ладонь накрыла мою, он притянул её и прижал к своей промежности. Мягкий бугор гениталий оказался весьма средней величины. За окном проплыли дохлые огоньки неведомой деревни, какая-то будка на столбе вроде тюремной вышки, всё это на берегу чёрного водоёма с жёлтым прожектором на той стороне. У Янки Рудневой была личная квалификация мужских гениталий – от «свистульки» до «пушки». Я сжала пальцы, комок под моей ладонью до «пушки» явно не дотягивал.

Кулик перешёл на третью передачу. Движок надсадно пыхтел, в кабине завоняло выхлопом. Мы взбирались на невидимую гору. Кулик развёл колени, ухватив мой затылок,

попытался наклонить голову – всё молча. В рёбра – весьма ощутимо – воткнулась ручка переключения передач. Он продолжал давить на затылок. Это что – заветная фантазия или уже какая-то дура проделала тут такой аттракцион? От штанов пахло мокрой тряпкой, так воняло в классе после «влажной уборки» – мелом, детским потом и протухшими тряпками. Запах счастливого детства, он с тобой навсегда.

– Мой дорогой, – обратилась я прямо к его гениталиям. – Давай повременим. Если машина влетит в колдобину, то я могу просто откусить его.

Я слегка сжала пальцы. Он убрал руку с затылка – равнодушно. Надулся: мол, тебе же, дуре, хотел радость показать. Щурясь, стал всматриваться в дорогу.

Как можно быть таким убожеством – «монеты из тех сундуков с затонувших испанских галеонов»... Ну как можно произносить такую пошлость вслух, даже если она и пришла тебе на ум?

Я разогнулась, правой рукой нашарила сбоку рычаг, рывком отодвинула кресло назад. С наслаждением вытянула ноги. Не так чтоб длинные, но весьма стройные, кстати, тридцать восьмого размера, с хрупкими лодыжками и мускулистыми икрами, которые переходят в упругие ляжки – не забудь про миниатюрные коленки ручной работы – и упираются в ягодицы: пара крепких и правильной формы ягодиц, далее – убедительная талия (изящная – штамп, но он в точку), грудь среднего калибра – две штуки тоже – с задорны-

ми сосками. Что ещё – плечи, руки, с любовью вылепленная шея, лицо, плюс два иностранных языка (один из них – китайский) и надежда, если не на спасение, то хотя бы на вечный покой.

2

Я бы никогда не смогла работать проституткой. Не вокзальной шлюхой, а настоящей профессионалкой в сапогах змеиной кожи на хищной шпильке – с постоянной клиентурой, графиком у массажиста, в парикмахерской и в маникюрном салоне. Физиологическую часть я бы ещё кое-как потянула, если исключить поцелуи в рот и анал; в конце концов совокупление можно рассматривать как вид аэробики – акт средней интенсивности сжигает триста калорий и считается неплохим кардио для укрепления сердечной мышцы.

Психология – вот что смущает. Как утомительно скучно, боже, как омерзительно было бы погружаться во внутренний содом каждого клиента, распутывать фобии и раскладывать по полкам комплексы, выслушивать нытьё про жён, тещ и мам, про подружек, брошенных сто лет назад; вникать в кухонную банальщину подленьких измен и незатейливого вранья, да ещё с именами и датами – позапрошлым летом на Кипре, Ленка из маркетинга, Мальдивы-Сейшелы-Канары, Селиванова-стерва из бухгалтерии, круиз, лыжи в Альпах (шале только для своих, русских нет вообще) и конечно же Таи-

ланд и Маринка с триппером – господи, этого не компенсируешь никакими гонорами.

Я пытаюсь – безуспешно – убедить себя, что отсутствие монетарной составляющей в моих сексуальных эскападах, выводит моё блядство на уровень чуть ли не антропологических исследований, фокусом коих является наблюдение за девиациями и рефлексорикой мужских особей, относящихся к представителям так называемых творческих профессий, на деле же не больше, но и не меньше, чем беспорядочные половые сношения с неумелыми художниками, бездарными музыкантами и посредственными писателями. Под кроватью в папке хранятся трофеи – эскизы и наброски, несколько непохожих портретов, книжки в мягких переплётках с автографами на титульном листе, пара тощих рукописей на дешёвой бумаге и даже самодельный си-ди с невнятной фортепианной сонатой, посвящённой мне. Впрочем, соната как раз получилась ничего. Но всего этого мусора явно недостаточно, чтобы заткнуть дыру в моей душе. Дыру размером с небольшую галактику.

3

Он – Макс Кулик (с ударением на «у», имя и фамилия – псевдоним), женат дважды, первый раз – по дури, второй – из корысти (кинопродюсер, мужиковатая, на полголовы выше и на три года старше), выпустил четыре книги, был спер-

ва обласкан премиями и критиками, назывался новым Буниным и даже юным гением, тогда длинноволосый и краснотубый, с профилем матадора, сейчас бритый под ноль – лысеем-лысеем, чего уж там – но зато при аккуратненькой бороде, что придаёт ему вид беса или торговца сухумской чурчхеллой; каждое интервью начинает с преамбулы «я – человек не слишком образованный и не очень умный», чтобы в основной части выступления сверкнуть эрудицией и остроумием; носит яркий шарф, преподаёт в лите, ведёт мастер-классы на любую предложенную тему, входит в редколлегии, жюри и президиумы, но продолжает одеваться как подросток – кеды, майка «Секс-пистолс», капюшон. Курить бросил, пьёт умеренно.

Я – Ангелина Злобина с Чистых Прудов, мёртвая неудачница, завистливая и с дрянным характером. И добавить к этому нечего.

4

Дача снаружи выглядела паршиво. Деревянный сруб, покрашенный в шоколадный цвет. Изнутри – ещё хуже. В основном из-за стыдных попыток выдать бедность за дизайнерский концепт с неловкими вкраплениями уродливых элементов, вроде меловых кораллов по пояс или здоровенных ракушек с вагиннальной розовостью нутра, мол, глядите – путешествуем по Карибам, а вот, полюбуйте – коврик из

Танзании: с орнаментально стилизованным жирафом. По стенам картинки с Монмартра, эстампы из Флоренции, на диване и креслах кожаные подушки с мумиями и Нефертити.

Единственное, что радовало – запах здоровой дачной плесени. Смесь гнилой антоновки, погреба и мёртвых мышей. Кулик заставил меня разуться в прихожей. Сам тоже снял ботинки и остался в серых носках. Я рассчитывала на обзорный тур по комнатам, но мы застряли в первой, должно быть, гостиной или столовой – не знаю, как они её называют.

Камин, мелкий, очень незначительного, какого-то извинительного размера, был выложен диким камнем, на полке сверху стояли красивые фотографии Кулика и кинопродюсерши, в затейливых рамках, даже золотых. В углу темнел копчёным ликом Николай-угодник и светилась лампадка с карамельным стёклышком: ныне, присно и во веки веков – аминь. Была ещё бордовая картина с рамой как бы из музея с платиновой табличкой и громадные лосиные рога.

Кулик неслышно подкрался сзади и сжал мои ягодички. Я вздрогнула, он хрипло прорычал мне в затылок, дохнув коньяком. Понятно – переходим к главному номеру программы. Мимоходом подумалось: будь Кулик маньяком, он запросто мог бы укокошить меня здесь. Зарезать? – не, это вряд ли, жалко паласа, кремового с густым ворсом; скорее, стал бы душить – повалил на пол, сам сверху, полиэтиленовый пакет на голову...

– Раздевайся! – приказал тихо.

Сел в кресло – развалился, в левой руке бутылка коньяка, правой расстегнул молнию на штанах, просунул туда ладонь.

Я вышла на середину комнаты. Через голову, вывернув наизнанку, стянула чёрный свитер. В окне отразилось бледное тело с чёрной полоской лифчика. Снаружи хлестал ливень, грохот стоял адский, никогда не думала, что обычный дождь может так шуметь. Спустила джинсы. Неловко путаясь в тесных штанинах, сняла.

Кулик механическим жестом подносил бутылку к губам и отхлёбывал из горлышка, его глаза становились темнее и будто ярче. Он смотрел пристально, не отрываясь, словно боялся что-то упустить. Снаружи заворчал гром. Я расстегнула лифчик и кинула в него, целясь в лицо. Промахнулась. Лифчик повис на спинке кресла. Инстинктивно прикрыла соски ладонями. Было зябко, стыдно и скучно. Смертельно захотелось выпить.

Изображая руками смутно гавайские жесты, я медленно приближалась к креслу. Больше всего мне хотелось сдохнуть или хотя бы на время исчезнуть. Оба желания являлись невыполнимы в силу причин, не зависящих ни от кого из присутствующих: тут, там и далее везде – до самого конца вселенной.

Дальнейшее описывать тошно: тело, голубоватое от обильно растущих повсюду (даже на лопатках и плечах) седоватых волос, неубедительная татуировка на предплечье – что-то брутальное с кинжалами и цепями – выпирающий живот при всеобщей худобе – Кулик яростно срывал с себя одежду, отбрасывал её; одновременно хватал меня за ляжки и ягодицы и пытался рывком насадить на воображаемый фаллос, поскольку реальный напоминал скорее земноводное – мелкое и квёлое – а уж никак не сакральный символ мужской силы и могущества. Символ по калибру оказался покрупнее «свистульки», но до «пушки» явно не дотягивал. Кажется, такой размер квалифицировался Рудневой как «дудка».

К тому же нам так и не удалось растормошить его (да, слово «дудка» мужского рода). Кого тут винить – Кулика или меня не знаю, но на протяжении всего действия «дудка» вёл себя снисходительно, словно делал нам одолжение. Интерес проявлял, но весьма вялый. Несколько раз ехидно вышмыгивал из меня.

Мы барахтались сперва на диване. Кулик силно хрипел, я задыхалась под его весом. Напоминало это неумелую драку. Его неказистое тело состояло из острых углов. Воняло коньячной сивухой, потом и приторным одеколоном.

Когда мы сползли на ковёр, Кулик завалился на спину и усадил меня сверху. В две руки нам удалось заправить «дудку» в меня. Для подъёма духа я начала восторженно стонать и закидывать назад голову. Кулик уже рычал совсем по-звериному, очевидно, тоже пытаюсь как-то воодушевить себя. Я азартно елозила взад-вперёд, «дудка» продолжал выскальзывать. Кулик пальцем запихивал его обратно. За окном хлестал ливень, раскаты грома звучали совсем близко. У меня ломило спину, колени стёрлись и горели от чёртового паласа. Через силу я выкрикивала неубедительные «Дай мне», «Хочу ещё» и прочую чушь. Казалось, мучение будет продолжаться вечно.

6

Мука всё-таки закончилась.

Я выползла из-под него – последняя фаза пытки проходила в миссионерской позиции – задыхаясь, скользкая от пота, опустошённая и в смертельной тоске, я откатилась в сторону и закрыла лицо ладонями. Жалость к себе, отчаяние и несправедливость мирового устройства – шершавым комком застряли в горле. Я непроизвольно всхлипнула, и чуть громче, чем хотелось.

– Ты что? – Кулик навис надо мной, вцепился в мои запястья. – Что случилось?

Он тряс меня, зачем-то он пытался убрать руки от лица.

– Что с тобой?

Я снова всхлипнула, на сей раз нарочно. Распахнула глаза и невинно уставилась на него. Кукла Маша – говорящая и с глазами.

– Что? – в его голосе улавливался скрытый то ли восторг, то ли предвкушение какой-то радости.

– Ты знаешь... – я невинно моргнула (на самом деле мне было трудно представить, что я сейчас произнесу эту фразу), – ты знаешь, ты – мой первый мужчина. До тебя со мной были лишь мальчишки.

Мне удалось сказать это и не рассмеяться. Фраза пошлая и глупая, использую её лишь с девственниками и робкими дилетантами. К тому же я дрянная актриса и, безусловно, Кулик заслуживает лучшего обхождения. Но он застал меня врасплох, к тому же я дико устала, да-да-да – у меня ныла спина и горели стёртые колени – я пребывала в чёрной тоске. Впрочем, вся эта дребедень тоже никак не может служить оправданием.

Дальнейшее оказалось ещё гаже.

Кулик разжал пальцы и отпустил меня. Пятясь, отполз к дивану. Упёрся спиной. Взгляд пристальный и слегка дикий. Мокрые, по-бабьи пухлые губы, слишком яркие для мужика. Потные волосы грязными разводами прилипли к груди, живот тоже был волосат. Бесплезная «дудка» съежилась в «свистульку» и стала не больше моего клитора.

– Ангелина...

Он сделал целомудренную паузу, а я чистосердечно удивилась, что он помнит моё имя.

– Если начистоту... – продолжил он с интонацией, словно собирался поведать мне тайну. – Мне ты казалась более искушённой что ли... Более...

– Развратной?

– Нет, скорее, изощрённой.

Я смиренно опустила глаза, пытаюсь представить куда он клонит. Из меня на ковёр вытекла маленькая лужа. Я хотела подняться, он схватил мою руку.

– Я сейчас, – сказала.

– Не надо!

– Ковёр...

– Чёрт с ним!

Притянул меня, посадил напротив. Пальцами – указательным и большим – взял меня за подбородок, чуть приподнял, разглядывая лицо. Потом бесцеремонно прихватил мой сосок и сжал – весьма чувствительно, до боли. Похоже, он решил, что после моего сказочного оргазма, со мной можно делать всё, что ему взбредёт в голову. В последнем романе Кулика героиню насилуют пятеро узбеков, после чего она выбрасывается из окна.

– А с девчонками, – он снова сдавил сосок, – с девчонками ты спала?

Ну, началось. Невинно спросила:

– Зачем?

– Ну как... – он сглотнул. – В Элладe юных гетер отдавали на обучение опытным лесбиянкам. Для развития чувственности. Среднестатистический мужчина не понимает всей тонкости женских настроек. Мужской оргазм прост и незатейлив, это всё одно, что сравнить битьё в бубен с игрой на арфе.

Очевидно, себя Кулик причислял к некой сексуальной элите. К рыцарскому ордену умелых и неотразимых Дионисов и Приапов, способных даровать высшее наслаждение парой ловких тычков своего волшебного фаллоса. Мне стало жаль кинопродюссершу – симулировать божественный оргазм, а после додрачивать себя, пока он моется в душе. Хотя, может, у неё есть кто-то на стороне – тоже какие-то студентки или практиканты со студии.

Кулик дотянулся до коньяка, сделал большой глоток из бутылки. Протянул мне. Я отпила, стараясь не касаться губами горлышка. Вкуса не ощутила, Коньяк был пресный, как вода комнатной температуры.

– Когда вы сидите передо мной в аудитории, я не могу отказать себе в фантазии и вообразить каждую из вас – вот так... – он вытер мокрые губы ладонью, – как ты сейчас...

Кулик забрал бутылку, отхлебнул.

– Руднева, кстати, которая за тобой... – ещё глоток, – знаешь, какими глазами она на тебя смотрит? Я бы на твоём месте непременно с ней...

– С Рудневой?

– Да! – он азартно закивал. – Чудесная девка! Настоящая валькирия – боже! Какой круп, господи! А какие ляжки! Брунгильда!

Его «свистулька» приподняла розовый клювик и выглянула из мотка пегих волос. Неужели снова полезет?

– Вот если бы её сюда заманить – представляешь?

Без энтузиазма я пожала плечом.

– Алкоголь, немного кокаина. Музыка атмосферная, ню-эйдж типа или «Сигур Рос»... – его лицо выглядело неопрятно, борода, бабьи губы красные. – Да-да, я думал про это, думал, если грамотно организовать, то очень даже может сработать! Очень!

До меня дошло, что он здорово пьян. Ливень продолжал хлестать с какой-то инфернальной яростью. Мне стало жутко до мурашек, как это бывает в скверном сне.

– Она ж, Брунгильда, будет себя ощущать в безопасности, понимаешь, я же вроде как с тобой, самки никогда не опасаются самца, если он с другой самкой.

В саду полыхнуло белым, тут же шарахнул гром. Я вздрогнула и оглянулась, в большом окне отражалась комната, рога на стене, два голых тела на фоне дивана. Кулик схватил меня за шею – зло и больно.

– Какая же ты дура, Злобина! Ты сама не понимаешь своей власти! Я ж видел, у Брунгильды глаза василиска – сапфиры, алчущие лакомств, когда на тебя глядит – сладострастные, похотливые глаза! Ты ж нецелованная мышка, тайный пер-

сик, монашья целка – вот ты кто! Маленькая чертовка – да! С тебя сериал снимать надо из жизни древней Эллады про греческую рабыню с мальчишеской грудью, про танцовщицу на канате или финикийскую гетеру!

Он зарычал и звонко хлопнул в ладони. Из сада ответила могучая канонада. Он усмехнулся и одобрительно кивнул.

– Пиши, что любишь! Люби, что пишешь! Впусти с себя жизнь, отдайся ей! – Кулик замахал кулаком перед моим лицом. – Пусть она тебя вздрючит, эта сука жизнь! Только так! Только так можно стать настоящим мастером – через боль, через страдание, через любовь! Через смерть! Понимаешь ты, манда татарская, через смерть?!

7

Слова эти я уже слышала раньше – в аудитории, не про манду татарскую, про писательское кредо мастера. Не очень ясна была логическая взаимосвязь с групповухой: с его подростковой фантазией оттрахать меня и Рудневу на пару. И ещё – откуда такая уверенность, что он нас двоих потянет? Техника исполнения и артистизм, продемонстрированные Куликом полчаса назад, заслуживали от силы вялую троечку.

Он продолжал орать, авторитетно и с надрывным пафосом, жестикулируя и выставляя руки картинным манером, заученно и нелепо. Вдруг запнулся и замолчал. Неожиданно помрачнел, схватил меня за щёки и стиснул. Понизив голос,

прошипел:

– Ты что ж, думаешь, мне самому это по нраву? Перед вами, мокрощёлками, наизнанку душу выворачивать? На всю группу таланта – во! – Кулик выставил мизинец. – С гулькин...

Гром перекрыл матерное слово.

Он принялся ругать писателей, называя фамилии и обидные клички. Особенно досталось авторам экранизированных книг. Так – тупо, зло и неизобретательно – матерится пьянь с рабочих окраин. Никогда прежде я не слышала от него такой грязной, такой грубой брани. Пафос сменился глухой злостью. Исчезла плавность жестов. Он побелел лицом, даже ярко-алые губы поблекли.

– У меня ж первая публикация в пятнадцать лет была! Журнал «Дружба народов»! Премия «Дебют», премия «Лицей», – он азартно хлопал ладошкой по голой ляжке, – премия «Русский Букер»! «Букер», твою мать, Злобина! Тебе, засыхе, такого не видать во веки веков – ты это хоть понимаешь? Сука! Сволочь! Мразь!

Он вцепился в голову руками, точно хотел содрать лицо с черепа. Зашёлся в кровавом рыке – царь Эдип, ничуть не меньше. Рык перешёл в стон, стон – в тихий вой. Он сгорбился, сник, стал будто мельче и младше, притих нищим переселенцем на богом забытой пристани. Съёжился и замер. Лишь изредка беззвучно всхлипывая горбатой спиной.

Когда я вернулась из ванной он уже спал. Мельком взглянула – рот был приоткрыт с детской невинностью, руки раскинуты, удивлённые ладошки глядели в потолок. Придерживая на груди концы полотенца, я вплотную подошла к окну. За моим чёрным силуэтом отражалась жёлтая комната. Я попыталась разглядеть своё лицо, в силуэте была лишь чернота, внутри которой хлестал серый дождь.

Больше мне тут делать было нечего.

Происшедшее, включая дорогу, заняло чуть больше трёх часов. Облегчения от завершения всей этой мерзости я не испытала никакого. Наоборот, догадка, промелькнувшая в начале, обратилась в уверенность: всё останется по-прежнему, словно меня тут никогда и не было. Даже если я буду возвращаться сюда снова и снова хоть тысячу лет.

Я вышла в прихожую. Распахнула дверь, ливень ворвался грохотом водопада. Пахло промокшей сиренью, ночью, грозой. Фонарь над крыльцом освещал сад, глянцевый и тёмный, моргающий мокрыми бликами. По плиткам дорожки неслись потоки дождевой воды. У забора, уткнувшись в сиреневый куст, стояла машина, на который мы приехали – старая «королла» морковного цвета.

Дальнейшее произошло как-то само собой, без особого участия моего разума: я отбросила полотенце и голой вышла

под ливень. Сбежала по ступенькам – стремглав, совершенно не боясь поскользнуться. Неслась во всю прыть – как бегала девчонкой. Лужи оказались почти тёплыми, дождь тоже.

Я пронеслась по мощёной дорожке, с разбега вскочила на капот «короллы». Полый металл гулко ухнул под моими пятками. Капли звонко барабанили по корпусу машины, точно били в пустую железную бочку. Ловко – одним махом – я запрыгнула на крышу. Раскинула руки крестом, подставила лицо ливню. Начиналось самое восхитительное, самое главное, – то, ради чего стоило возвращаться сюда.

Я смеялась, захлёбываясь дождём, хохотала, кажется, что-то кричала. Экстаз, переходящий в истерику, словно кто-то пытается защекотать тебя до икоты, до слёз, до смерти. Да, как в детстве, когда от хохота можно напустить в трусы.

Я размахивала руками как птица, прыгала. Крыша гремела и прогибалась под моими крепкими пятками. В дешёвой японской жести оставались вмятины, но мне было плевать на крышу. Мне было плевать на всё! На приличия и условности, на нормы поведения в обществе и правила хорошего тона. На успех, славу и богатство – плевать-плевать-плевать!

Плевать на всю эту дурацкую жизнь, которую мы устроили с единственной целью – мучить друг друга.

То был апофеоз свободы, триумф безнаказанности. Миг абсолютного счастья. Миг, ради которого стоит жить. Миг, за который не жалко умереть.

Как всегда, молния шархнула внезапно. Каждый раз за-

стаёт врасплох, даже когда ждёшь и тебе кажется, что ты готова. Я лишь успела задрать голову. Ослепительно белый шар лопнул прямо надо мной и разлетелся холодным фейерверком, из центра шара зигзагами вырвались искрящиеся щупальца, одна из щупалец целила мне прямо в макушку, она неслась вертикально вниз, как копьё.

На мгновенье время остановилось – капли ливня застыли в полёте, синие электрические брызги замерли острыми осколками вдребезги разбитого стекла. Неоновый перпендикуляр почти коснулся моей головы. Я успела услышать гром – то был треск разрываемого напополам чёрного неба.

Часть вторая

Там

9

Моим соседом оказался суетливый мертвец с внешностью некрасивого итальянца-южанина с громким смехом и ухватками карточного шулера в маскарадном камзоле с золотым шитьём и кружевным воротником из реквизита какой-то комедии Бомарше вроде «Севильского цирюльника». Этот Фигаро пару раз пытался заговорить со мной, но я делала вид, что сплю. Под конец поездки я действительно задремала. Когда проснулась, итальяшка приставал к соседу справа, лысому прокопчённому старикану с внешностью отставного марсельского грабителя.

– Настоящий живописец не может не любить запаха краски, – мрачно оборвал старикан итальянца. – С этого и начинается искусство – с запаха! Великое искусство!

– Кстати, – подхватил моментально тот, – мой брат тоже художник. Благодаря моей рекомендации он получил заказ на роспись шпалер в резиденции кардинала Аррузио...

– В задницу твоего кардинала! – заорал лысый. – И брата тоже! В жопу!

– Весьма и весьма! – не унимался Фигаро. – Вы же

помните моё приключение на острове Корфу, ту утомительную историю с мёртвым бараном? Ни разу сердечная склонность не нарушила на Корфу моего душевного покоя: разве только случилось у меня приключение с дочерью прачки, о котором говорю лишь потому, что благодаря ему расширились познания мои в физике. Остановлюсь, с вашего позволения, на этом подробнее...

Кто-то тронул меня за локоть. Смуглая женщина в сари изумрудного цвета с оранжевым цветком на груди – она сидела слева и глядела на меня оленьими глазами. На лбу у неё была нарисована тёмно-красная точка – бинди.

– Вам, европейцам, непросто всё это понять, – она ласково погладила мою руку. – Пестуй муладхару и обретёшь силу прыжка лягушки. Двумя пальцами выше ануса, двумя пальцами ниже йони, на четыре пальцы в ширину...

– Любопытно, что восточная традиция, – тут же встрял итальянец, – не только оправдывает феминическую мастурбацию, но и считает её непреложным условием возвраща-ния чувственности и культивации эроса у особей прекрасного пола...

Индианка ласково ему улыбнулась, а до меня дошло, что на лбу у неё не бинди, а входное отверстие от пули малого калибра. Итальянец воодушевлённо продолжил:

– Для девочек здесь нет большой опасности, ибо они могут потерять лишь весьма малое количество вещества, которое к тому же происходит из иного источника, нежели зарор-

дыш жизни у мужчины. Однако есть у нас доктора, полагающие, что бледность у девиц происходит именно от этого.

10

Впереди показался вокзал. Циклопическая конструкция, похожая на Вавилонскую башню, отлитую из матового стекла. Текучесть линий и гибкость форм сочетались с филигранной кропотливостью отделки – изнутри здания сочился мягкий свет. Прозрачные капсулы, вроде нашей, бесшумно проникали внутрь. Зрелище напоминало демонстрацию работы ловкого механизма, часового, скорее всего, швейцарского, или какой-то затейливой игрушки для развлечения монарха, придуманной гениальным художником-изобретателем, – как если бы Леонардо да Винчи стал богом и получил безграничную возможность воплощения своих безумных конструкций.

Их было много, этих перламутровых капсул, и двигались они скоро, однако плавно и легко, точно скользили по невидимым рельсам. Никаких рельсов не было по причине отсутствия сил трения и тяготения, впрочем, и остальные законы земной физики здесь особой роли не играли тоже, что вкупе с невозмутимой тишью персикового неба, сливочной белизной перистых облаков и чувством ленивого покоя невольно наводили на мысль о загробной жизни.

За моей спиной кто-то меланхолично произнёс:

– Самое удивительное, что всё это может находиться внутри одной снежинки.

Другой голос шёпотом отозвался:

– Или на острие иглки.

– И добавьте туда же всех ангелов священного Августина...

Обсуждать происходящее считалось неприличным, на эту тему не говорили – старались не говорить. «Где мы и что это такое» каждый решал интимно, сам с собой. Нарушителей карали: на моих глазах францисканский монах, затеявший проповедь, просто лопнул как мыльный пузырь. Он утверждал, что вокзал является точной копией Дантова ада – только вверх ногами – и все грешники доставляются на надлежащий уровень, соответствующий тяжести их прегрешений. Лопнул без звука и исчез без следа. Впрочем, элемент здравого смысла в такой теории безусловно присутствовал.

Капсула, не сбавляя хода, проскользнула внутрь вокзала и мягко встала. Сверху лился сладкий матовый звук, округлый и ласковый. Трудно было определить, какой из органов чувств за что отвечает: слух тут сливался с обонянием, зрение с осязанием, я себя ощущала сверхчувствительной – здешние запахи были восхитительны – точно я проснулась среди ночи, а за окном конец мая, полная луна и куст жасмина.

Здешние стихии имели плавное свойство перетекать из одной в другую, богатство теней от голубого до тёмно-лило-

вого, градации света от лимонного до вязко-медового – добавить сюда проворство бликов – превращали мир в затейливый витраж, но не плоский, вроде окна в соборе, а в объёмный и подвижный – почти живой, в котором и сам ты одно из звонких стёкол.

Тот монах уверял, что степень наказания зависит от материальности проступка: грехи невоздержанности – гнев и уныние, сладострастие, обжорство – не должны входить в категорию смертных и караться бесконечной пыткой.

11

А может быть, я неверно толкую происходящее. Придаю сну или бреду свойства чего-то более значительного? Загробный мир? Ад? Чистилище? Не слишком ли упрощённо – до примитивного: ведь согласитесь, даже самые мудрые из нас не так уж мудры. Проверенные мысли, что уютней плюшевых тапок под кроватью.

Ведь тот – наш мир, если отвинтить его нижнюю крышку, не так-то хитро и придуман: колёсики деревянные да пружинки, – не сложнее шарманки, а уж снаружи и говорить нечего – бутафория, кое-как сколоченный и наскоро покрашенный макет, не более...

...А может, это просто болезнь и я пребываю в клинике на Воробьёвых горах в состоянии глубокой комы – кто знает? Кто оттуда возвращался и всё ли у вернувшихся оттуда ладно

с памятью – вот такой ещё вопрос.

И ещё: если лишить нас привычных мер и ориентиров, то мы тут же станем приспособливать известное к непонятному. Метрами измерять любовь или тоску. Взвешивать в граммах синеву ночи. Это вместо того чтобы попробовать разобраться. Постараться вникнуть и понять. Так двоечник подгоняет решение задачи к подсмотренному в конце учебника ответу – муляж истины, который не сочнее яблока из папье-маше, раскрашенного вялой гуашью. Нельзя использовать логику мускулистой мысли там, где кружева сотканы из дымки небытия.

12

Сверху нежно звякнули хрустальные бубенцы, оповестившие о том, что капсулу можно теперь покинуть. Мы вышли в зал нашего уровня с высоченным куполом, который просто не мог быть такой высоты, исходя из конструкции вокзального фасада.

Было многолюдно, впрочем, как всегда. И, как всегда, при таком обилии пассажиров меня поражала тишина и отсутствие толчеи. Тишина – не совсем верное слово, правильное сказать – шорох или шёпот. Так шуршат снежинки, падая в глухой деревенской ночи.

Какое-то время я держалась вместе с соседями по капсуле. Загорелый старикан наконец успокоился, на прощанье про-

изнёс, не обращаясь ни к кому конкретно:

– Когда остаюсь наедине с собой, у меня не хватает смелости увидеть в себе художника в великом значении слова; я всего лишь развлекатель публики, понявший время. Это горько и больно, но это истина.

Он сморщился. Индианка с пулевым ранением во лбу тронула его руку и улыбнулась оленьими глазами. Итальянец хотнул:

– Маэстро! Возьмите себя в руки и отнесите в безопасное место!

Художник отмахнулся от него и пошёл прочь. Следом ушла индианка: она приложила ладонь к груди, склонив голову, сделала шаг назад и растворилась в толпе.

– Позвольте, сударыня, – итальянец тонким мизинцем заправил седоватую прядь за ухо, – позвольте сопроводить вас под аркады, синьоритта...

– Синьора, – перебила я почти грубо. – Не позволю.

– Однако же, я имею сообщить сведения исключительной притягательности для вас...

Он подался ко мне. От него пахнуло сдобными булочками с корицей. Запах что-то мне напомнил, что-то мучительно неуловимое – кажется, вот-вот и ухватишь, ан нет – ускользнуло.

– Книги... – Итальянец зашептал мне в ухо. – Они запрещены Трибуналом Пяти – эти книги. «Ключ Соломонов», «Зекорбен», «Пикатрикс» и наставление по влиянию планет

«Плутония», какое позволяет с помощью благовоний и заклинаний вступать в беседу с демонами всякого чина...

– С корицей... – пробормотала я.

– Что? – он запнулся, приоткрыв рот.

Вместо ответа я смачно поцеловала его в губы.

Вокруг сновали пассажиры, долетали обрывки фраз – вялые и лёгкие – безвольные, как тополиный пух.

– ...территория абсолютной свободы...

– ...истинное устройство...

– ...регистрация ночи...

Сверху зазвучала музыка, некая квинтэссенция всех вальсов – Кальман, Чайковский, Прокофьев были слиты в один сосуд и перемешаны кем-то умелым с превосходным музыкальным вкусом. Пассажиры сбились в пары и начали вальсировать.

– Позвольте?

Итальянец ухватил меня. Ловко и со знанием дела закружил – вот ведь щёголь, вот проныра! Зашушукал шёпотом в ухо, жарким и щекотным. В ход пошли губы и язык. Ушная раковина стала центром вселенной, всё моё существо, хихикая, блаженно перетекло туда.

Легче листа, пустая, как скорлупка, голова летела кругами, восьмёрками, какими-то уж совсем немислимыми фигурами. Пол исчез – да и был ли он? Итальянец уже не казался таким уродливым, к тому же у него добавились ещё как минимум две пары рук. С проворством похотливого осьминога

он сжимал мою талию, ласкал мочку уха и массировал сосок левой груди, одновременно расстёгивая лифчик и старался просунуть жаркую ладонь между моих слабеющих ляжек.

Я впилась в его карамельный рот. Нежно, жадно, страстно – как Руднева учила – будто губами перезрелый персик хочешь высосать. Обвила руками. Мои ногти рвали шёлк его камзола, миланское золотое шитьё, воздушные кружева, сотканые усердными девственницами в слепых кельях Брюссельских монастырей.

Весело трещал батист рубашки.

Бронзовые пуговицы, литые, с силуэтом крылатого льва, пулями летели во все стороны и падали в бездну, распахнувшуюся под нами. Я обхватила его цепкими ногами, скрестила их. Сдавила мускулистые ягодицы и начала движение. Как шоколадная папуаска, что скользит по полированному стволу пальмы к вожделенному кокосу. Упруго и ритмично, каждым толчком приближая полёт.

Оргазм был чудесен, как глоток родниковой воды в темнице. Как утро отменённой казни. Как синее лето с жёлтым солнцем. Я захлебнулась и обратилась в стон. Звук растаял, едва окрасив воздух малиновым. Порочная ночь вздрогнула и замерла на полпути к безгрешному рассвету. Истома безмятежно перешла в меланхолию, та сменилась грустной пустотой; неясная звезда моргнула в прорехе холодных туч и погасла. Умерла. Всё – занавес.

Часть третья

Снова тут

13

Чёртов дождь – я снова про него забыла. И снова забыла спросить, какая у него машина. Опыт предыдущих заходов не всегда совпадает с реальностью последующих. Прячась от ливня под козырьком кофейни, я достала телефон и ещё раз проверила последний текст. Всё правильно – девять тридцать вечера, высотка на Восстания, левое крыло. Три восклицательных знака, красное сердечко и два банана.

Мне хочется обставить мой выход таинственно. А с другой стороны непринуждённо. Как совместить – не ясно, чувствую, что краска течёт по лицу, наверняка потекла и тушь. Вечерний город гремит, сверху давит коричневая тьма, сырая и тяжёлая, которая исполняется теперь вместо заката в нашей столице. К ночи коричневое перетечёт в чернильное – без звёзд и месяца. Свинцовая тень, набухшая дождём, придавит город, расползётся по бульварам, просочится в переулки, проберётся в щели приоткрытых форточек, зальётся в жилища спящих грешников. Тайно, безжалостно, неотвратимо. Куда вообще подевались звёзды?

Машина свернула с Баррикадной – важная, чересчур бе-

лая и слишком большая. Шелестя шинами, прокатила по лужам, разбрызгивая желтизну фонарей. Я вжалась в тень. Фары наощупь скользнули по мокрой стене, по ногам, вспыхнули на золотом боку водосточной трубы. Потекли дальше, выхватывая лишь серую пустоту, наскоро заштрихованную дождём.

Хлопнула дверь кофейни, оттуда пахнуло тёплыми булочками с корицей и убежавшим молоком. На миг моё сознание куда-то провалилась, в какую-то невыносимо уютную муть с тоскливым персиковым выдохом на перистых облаках. Когда я вынырнула, его машина стояла передо мной. Морковного цвета «королла». В темноте салона призрачное лицо лунного цвета и торопливая рука, призывно зовущая внутрь.

Я открыла дверь, взглядом скользнув по крыше, – как новая, ни единой вмятины. Забралась и села, хлопнула дверью, слишком громко.

– Извини... – тихо сказала.

Он что-то буркнул ядовито-приветливо. Мы развернулись и въехали в переулок.

– Тебя никто не видел? – спросил.

Тон непринуждённый, но с подкладкой из шершавого беспокойства. Мы обогнули высотку. Кровавая вывеска шахматного бара – ферзь и рюмка, мутные окна, ещё одна вывеска – эта синяя с женским силуэтом из неона, салон красоты, должно быть. Костяшки его кулаков казались зеленоватыми в свете плывущих фонарей. Остановились на свето-

форе перед Садовым. Поворотник нервно начал цыкать. Наконец повернули, уже на красный, пугая суетливых пешеходов. Неуклюже втиснулись в правый ряд.

– Пригнись. Пожалуйста, – добавил, – тут студенты, да и на знакомых нарваться можно.

Безропотно сгорбилась, уткнув подбородок в мокрые колёнки. Куртка сзади задралась, свитер тоже. Полоской голой спины я ощутила холодок сквозняка. Или то был его взгляд. Машина двигалась рывками, мы едва ползли.

– Чёртовы пробки, – проворчал он, – через Климашкина нужно было...

Тут он, пожалуй, ошибался. Тишинка и Грузинская обычно забиты до самого Белорусского. Я рассматривала узор резинового коврика с засохшей грязью, застрявшей в бороздках. Лужицы, они натекли с меня, казались каплями чёрной смолы, иногда в них вспыхивали летящие блики. Узор коврика вдруг сложился в мрачную африканскую морду, морда оскалилась, подмигнула и пропала, рассыпавшись путаницей невинного орнамента. Откуда-то тихо дуло, тянуло тёплой гарью и машинным маслом.

– Извини... Свернём сейчас, – с грубой лаской добавил. – Ты как там?

– Дивно! – голос получился сдавленным, точно меня душили.

– Кстати, – сказал интимно. – Готовься к сюрпризу, Злобина.

– Всегда готов! – Крякнула я из темноты.

14

Свернули, он попросил потерпеть ещё и не высовываться. На Можайку вырулим, сказал, – вот тогда.

Спина затекла и ныла. Я покорно молчала, пытаюсь по изгибам улиц и поворотам догадаться, где мы сейчас едем. Он изредка строптиво обзывал соседних водителей, а то принимался бурчать, как будто про себя отвечал на не заданные мной вопросы.

Я взглянула на часы – десять ровно. Впереди была ночь, впереди была почти вечность. Я постаралась расслабить затёкшую спину, шею тоже ломило. Вот уж никогда не думала, что лопатки могут так ныть.

* * *

Меня ожидала ещё одна упоительная ночь – таинственная, манящая, волшебная – полная жгучей страсти, восхитительной неги, тайного блаженства. Ночь любви. Между прочим, Клеопатре – если, конечно, верить легенде – за одну такую ночь отдельные безумцы были готовы платить жизнью.

Платить жизнью? – тень догадки моргнула и пропала. Жизнью? А почему бы и нет? В конце концов на свете есть вещи и поважнее.

Рыжая Линда и её окрестности

1

Дом, где я родился, дальним своим боком упирался в стену тюрьмы. Тюрьма напоминала старую фабрику: шершавый тёмно-рыжий кирпич, щели окон с решёткой, в которые заключённые просовывали ладони, когда шёл дождь. Толстая кирпичная труба курилась невинным дымком, мало отличавшимся от наших июльских облаков. Раз в три месяца труба разражалась густым чёрным дымом и тогда жирная копоть оседала на тротуарах и мостовых, на листьях и траве. Впрочем, зелени в нашем Йенспилсе было всего ничего –дохлый парк с дюжиной хворых лип вокруг клумбы с георгинами, среди которых скучал гипсовый солдат, выкрашенный серебряной краской. Раньше на его месте стоял латышский барон. Его имя – Родригас Латгальский, замазанное цементом, при желании можно было разобрать на гранитном постаменте. Замок барона сгорел за три месяца до моего рождения. Тогда там размещался наш местный «Дворец культуры» с буфетом, библиотекой и кинотеатром. В большом, «дубовом», зале устраивали городские торжества: отмечали годовщину революции и день Победы, встречали новый год – сначала утренник для малышни, а вечером, вокруг той же

ёлки, гульбище для всех остальных. Свадьбу моих родителей праздновали тоже в «дубовом» зале. Именно той ночью замок и сгорел.

Мне едва исполнилось полтора, когда отец исчез. После мать плела какие-то байки и показывала фотографии, которые впоследствии оказались открытками. Думаю, врала она, в первую очередь себе, я был лишь случайной частью аудитории. Тонкий шёлк чёрного халата, тощее запястье, сигарета, аристократичность жеста неясного происхождения – всё это сквозь дым, точно полузабытый кадр из старого кино с давно умершими актёрами. Да ещё сладковатый дух портвейна её поцелуев с примесью горькой копоты: то ли из тюремной трубы, то ли из той свадебной ночи.

Детство моё прошло на лестничных пролётах нашего подъезда. Ключ мне не доверялся сперва по малолетству, после по привычке. Всякий раз, ожидая мать, я опасался, что она не придёт и исчезнет бесследно, как исчез отец. Иногда меня пускала к себе соседка по лестничной клетке Маркова, коренастая старуха с перебитым носом и запахом лука. Луком воняло всё её жилище – комната, перегороженная платяным шкафом, за которым обитал её сын Толик, наш городской дурачок. Но и Толик Марков, и луковая вонь были всё-таки лучше лестничного томления. Тем более соседка Маркова разрешала мне листать её журналы – дореволюционную «Ниву», две стопки которой хранились под кухонным столом.

Журнал, судя по надписи на обложке, предназначался для семейного чтения. Эти семьи вряд ли проживали в городе Йенспилс — половина нашего населения сидела в тюрьме, вторая — охраняла её. Наших горожан скорее всего не заинтересовала бы история возведения собора в Реймсе с приложением чертежей и старинных гравюр или биография американского изобретателя Эдисона. Не говоря уже про миграцию китов или подборку стихов некого Гейне, женоподобного немца с бантом на шее. Впрочем, стихи немец писал неплохие, хоть и занудные. Я не поклонник поэзии, мне гораздо больше нравились отрывки из рыцарских романов Вальтера Скотта или пиратские истории писателя Стивенсона. Тем более с бесподобно детальными иллюстрациями, на которых кропотливый художник во всех подробностях изобразил мушкетеры, мечи и кинжалы. Из журнала «Нива» я впервые узнал о подвесках королевы и замке Иф, о собаке Баскервиль и капитане Немо, о том, как выжить на необитаемом острове и как при помощи электричества воскресить мертвеца.

Вместе с луковым духом в мою душу входило осознание, что мир — это не наш трёхэтажный барак, не тюремная труба в моём окне, не гипсовый солдат в сквере. И не заколоченный навечно после пожара баронский замок. Вселенная не утыкается на севере в пустырь, заросший лопухами, и не заканчивается на юге Еврейским кладбищем. И что есть люди, которые не только копят на ковёр — и это лучшие из них,

а остальные пьют водку, ругаются и бьют друг другу морду. Иногда, впрочем, и те и другие ездят на заводском «Икарусе» к озеру Лауке на шашлыки. Такой пикник они называют «вылазкой на природу», где тоже матерятся, пьют водку и бьют друг другу морду.

В тринадцать лет, выбравшись через чердачное окно на крышу, я видел, как повесили человека. Эшафот стоял в углу тюремного двора. Моросил дождик и деревянный настил стал тёмным и блестящим, как старое железо. Приговорённый – тощий, наголо бритый мужичок – не мог идти, его втащили по ступеням двое: Эдик Хрящ с третьего этажа и второй, кажется, с Красногвардейской. Палачом работал Люськин отец, дядя Слава. Люська жила на первом и иногда мне удавалось подглядеть, как она раздевается. Тогда мне казалось невероятным везением, что она забывает до конца задёргнуть занавеску и долго бродит голая по комнате из угла в угол.

Дядя Слава принёс деревянную лавку, что стояла у курилки – ржавой бочки, вокруг которой охрана травила анекдоты. Лавка шаталась, дядя Слава сложил газету, сунул под ножку. Потом залез на лавку и примерил петлю. Он не стал смазывать верёвку мылом, как это делали палачи в романах Александра Дюма. У лавки приговорённый попытался вырваться, Эдик пару раз ударил его в солнечное сплетение и тот согнулся пополам.

Всё случилось обыденно и как бы между прочим. Дядя

Слава сапогом пнул лавку, мужичок повис, раздался хруст, точно кто-то делил варёную курицу. Третий охранник, который, кажется, с Красногвардейской, вытер ладони о галифе и достал сигареты. Угостил двух других. Все трое сгрудились, будто договаривались о чём-то тайном, прикурили, закрывая огонь спички ладонями. Хлопнула дверь, из караулки вышел доктор с зонтом. У доктора была смешная фамилия – Куцый – и дурацкие усы, как у Гитлера. Куцый поднялся на эшафот, сложил зонт и что-то сказал. Все четверо рассмеялись.

На той же крыше спустя полгода я, как выразился бы писатель Вальтер Скотт, потерял невинность. Меня совратила тюремная повариха. Жила она этажом выше, прямо над нами, звали её Линда. Рыжая Линда.

Начался май, прошли бесконечные праздники, солидарность трудящихся похмельно перетекла в юбилей Победы. Кто-то утонул в Лауке, кого-то пырнули ножом на танцах. Пацаны ездили в Елгаву бить латышей. Мочить лабусов. Юрке Скокову выбили два передних зуба, ещё троих забрали в милицию, но сразу отпустили, поскольку менты там – все наши, русские.

Тюремный репродуктор три дня хрипел военные песни и наконец заткнулся. В обморочной тишине по синему небу неслись расторопные облака. Такие белые, они проплывали над крышей так низко, что, казалось, дом вот-вот всплывёт в одну из этих сахарных гор. А ещё, если лежать на спине и смотреть прямо вверх, смотреть долго и не отрываясь, то

весь мир вдруг переворачивался. И вот уже не облака, а сам дом резвым фрегатом врезался в синеву, бесстрашно рассекая несущиеся нам навстречу коварные льдины. Это была настоящая оптическая иллюзия самого высокого класса. Голова кружилась, исчезала крыша, дом, исчезала тюрьма и несуразный Йенспилс. Становилось немного жутко и весело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.